

Часть II

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

В.И.ЛЕНИН. РЕЧЬ ОБ ОБМАНЕ НАРОДА ЛОЗУНГАМИ СВОБОДЫ И РАВЕНСТВА

Язык Ленина обычно меньше привлекал внимание исследователей, нежели его идеи и политические акции. Ленин не соответствовал классическому типу ораторов, для которых нормой были искусственный подбор красноречивых и афористичных сентенций, эффектные отступления, строгая логичность и последовательность изложения, расчетливо продуманная аффектация и тщательно выстроенная соразмерность каркасов речи. Перед нами *par excellence* — эмоциональные, торопливые и сбивчивые выступления, акцент на одной и той же идее, варьируемой вновь и вновь, хотя и на разные лады. Во многих его речах нет ни монументальности, ни системности, ни связности. В них заметно другое — эмоциональное “проговаривание” мысли, особенно увлекшей его в данную минуту, еще и еще раз до тех пор, пока охватившее его напряжение не ослабевает. Это можно скорее назвать своеобразной терапевтической практикой, посредством которой проходит высвобождение неприязни к идеям, людям и событиям, вызывающим нарастающее раздражение.

Анализируя стиль Ленина, Л. Якубинский употребляет даже термин «лексический разряд». Обратив внимание на то, сколь часто Ленин использует подряд сразу несколько синонимических определений, не желая ограничиваться одним из них, он пришел к выводу о том, что «логическое, предметное знание этого “перечисления” стоит совсем на заднем плане и это “перечисление” является фактом эмоционального говорения (а, следовательно, может быть использовано и как прием эмоционального внушения посредством речи), когда высокое

эмоциональное напряжение разрешается мобилизацией ряда подобных членов предложения».³¹¹

Вместе с тем ленинские речи далеко не так хаотичны и сумбурны, как это может показаться на первый взгляд. В них есть своя логика, отшлифованные приемы и не одни лишь ассоциативные связи определяют последовательность и сцепление их разных частей. Попытки уловить законы построения ленинских речей были предприняты известными русскими формалистами, членами Общества по изучению поэтического языка (ОПОЯЗ) в знаменитом сборнике «ЛЕФа», увидевшем свет в 1924 г. У Ленина заметили латинскую конструкцию фразы и найденные у него Цицеронианские стилистические заимствования связали с его классическим образованием.³¹² Наблюдения эти интересны, но едва ли у Ленина можно обнаружить те элементы латинских апологий и филиппик, которые делали речь Цицерона, по замечанию одного из русских филологов-классиков, «патетичной и несколько мелодраматической».³¹³ Речи, «сконструированной» по определенным законам экзальтации, мы у него не найдем. Простота и однообразие ритма жестов, замеченных Н. К. Крупской в выступлениях Ленина,³¹⁴ являлись своеобразным «внешним» отражением присущего ему стремления к тотальному упрощению всего словесного материала и его каркасов — синтаксиса, лексики, метафор, сравнений.

Упрощение — главный ораторский прием Ленина. Он подмечался всеми, будь то панегирист М. Горький или «формалист» Б. Казанский, маскировавший лингвистической терминологией свой скепсис в оценках ораторского мастерства Ленина. «Цеховой язык сменяется обыденной речью. Тяжелые слова — легкими словечками. Ученые рассуждения — фамильярным разговором», — в столь полуафористической манере описал наиболее бросающиеся в глаза приметы этого упрощения А. Финкель в умеренно «формалистической» книге «О языке и стиле В. И. Ленина» (1925).³¹⁵ Образцом нарочитого, стилизованного упрощения являлась брошюра Ленина «К де-

³¹¹ Якубинский Л. О снижении высокого стиля у Ленина // ЛЕФ. 1924. № 1. С. 75.

³¹² Эйхенбаум Б. Основные стилевые тенденции в речи Ленина // Там же. С. 70.

³¹³ Покровский М. М. История римской литературы. М., 2001.

³¹⁴ Крутская Н. К. Из ответов на анкету Института мозга в 1935 г. // Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 2. М., 1989. С. 368.

³¹⁵ Финкель А. О языке и стиле Ленина. Вып. 1. Харьков, 1925. С. 27.

ревенской бедноте». Вряд ли для ее автора она стала поучительной школой. Язык этой работы — это не язык простого крестьянина, а намеренно вульгаризованный язык городского обывателя. Для его «облегчения» и «доступности» Ленин использовал прибаутки, пословицы и поговорки, в том числе литературного происхождения, и столь густо приправил его «простонародными» выражениями, что сделал текст порой отчетливо искусственным, похожим на какой-то формалистический эксперимент. Такие опыты в России были — псевдонародные «афишки» московского губернатора Ф. Растопчина, призывавшие к борьбе с Наполеоном в 1812 г., или воззвание к крестьянам П. Чаадаева, обычно писавшего только на французском языке. Они казались забавой аристократов — «замечательных оригиналов» — и «пейзанской» бутафорией, над которой со времен карамзинской «Бедной Лизы» смеялись даже не очень придиричивые критики.

Чуждый какой-либо художественной экзальтации Ленин, возможно, не мог не почувствовать неестественность языковых барочных виньеток. «Подстраивание» под другой язык — это тоже своеобразное артистическое действие: человек играет чужую, не свойственную ему роль, что делает его похожим на фигура. В позднейших его сочинениях не видишь особой заботы о их литературной и стилистической отделке. Встречающиеся здесь удачные обороты речи, остроты, афоризмы и каламбуры кажутся случайными, поскольку крайне редки. Канонический стиль Ленина был психологически обусловлен его неприязнью к любой театральной аффектации, особенностями его прагматического, сугубо трезвого и скептического ума. К пафосным выкрикам, «исповеди горячего сердца» и равнозначным им литературным украшениям он относился с брезгливостью, неприязнью и недоверием. В силу присущей Ленину общей культуры ему никогда не удавалось копировать артистичный язык и он обычно не выходил за рамки сухих риторических штампов с их утратившим былой блеск холодным пафосом. В артистичности ему виделись богемность, разухабистость, эпатаж. Да и как могла закрепиться у него высокая речевая культура, спокойные, рассудительные «плехановские» обороты, где все дозировано — ирония, пафос, цитата, метафора. Всегда готовый к быстрому и беспощадному ответу и не разбиравший при этом средств, он испытывал даже какую-то аллергию к замедленности, округло-

сти и витиеватости выражений. Речи Ленина — это постоянные полемические срывы, при которых не укорениться продуманной до мелочей эффектной ораторской технике: она взрывается его эмоциональностью, раздражением, гневом. Все гипертрофировано и обострено до ненависти и крика, нет и намеков на академический слог — как тут следовать традиционным риторическим формам, как поминутно заботиться о благозвучности фраз и оттенках голоса?

Формалисты находили в речах Ленина «сделанность», хорошо рассчитанные ораторские ходы, но его приемы кажутся скорее импровизацией. В них нет четкой последовательности и жесткой логики, не все из них выигрышны. Удачный речевой оборот зачастую заканчивался невнятицей, скороговоркой или банальностью, и очень часто в ленинских выступлениях заметны повторы — именно не варьирование мысли с целью показать ее новые грани, а использование одних и тех же идиом, ничего не прибавляющих к прежде сказанному.

В его неожиданных каламбурах, как хорошо отметил Б. Казанский, нет игры,³¹⁶ они у него «случаются», а не конструируются. Пластичность, яркость описаний ему редко удавались. Видна сугубая сдержанность даже и там, где ожидаешь встретить некую лиричность. Его бесцветные строки в некрологах И. В. Бабушкина и Н. Е. Федосеева, когда он стремится быстрее уйти от личных характеристик, закрываясь социологическими клише, — пример того, как вообще трудно давался ему жанр политической агиографии, лишенный полемичности. Живописность его язык приобретает лишь в политических боях. Он всегда к ним готов, он полон решимости выдержать их до конца, он обучен их технике. Ему присущи здесь и своеобразное остроумие (хотя обычно грубое) и эффективность саркастических упражнений.

Стремясь сделать слово более емким, доходчивым, выразительным, Ленин обычно прибегает к нескольким приемам. Первый из них — краткость предложений. Каждая фраза при этом получает особую весомость, ясность и жесткость. Можно даже сказать, что краткость здесь эквивалент громкости. Такие фразы легко повторять, а посредством повторений (весьма частых у Ленина) усиливается их воздействие на слушателя — они лучше воспринимаются и быстрее заучиваются. Второй прием — использование диалогических форм. В ряде случаев Ленин не

³¹⁶ *Казанский* Б. Речь Ленина // ЛЕФ. 1924. № 1. С. 113, 118.

ограничивается прямым категорическим утверждением, но достигает этого посредством ответов на вопросы воображаемого оппонента — это более наглядно и выпукло показывает слушателю его мысль. В-третьих, Ленин не перенасыщает свои выступления литературными реминисценциями, эпитетами, цитатами, поговорками, пословицами и сравнениями. Вообще там, где Ленин ссылается на литературные типажи для лучшей иллюстрации своих мыслей, это нередко приобретает характер жесткого ритуала: говорить об игре художественными образами для того, чтобы придать своим идеям пластичность и живописность, крайне трудно. Каждая из привлеченных им литературных цитат обычно четко прикреплена к какому-либо определенному постулату и «расшифровывает» только его. Связки этических терминов и соответствующих им художественных типов становятся у него необычайно прочными и окостеневшими. Каждый из терминов обычно имеет только один аналог: болтун — Репетилов, фантазер — Манилов, враль — Хлестаков, путаник — Ворошилов. Набор используемых Лениным литературных цитат довольно беден. Как правило, он ограничивается теми авторами, изучение которых являлось обязательным в гимназиях: только общепризнанные классики, никаких модернистов и очень мало «второстепенных» писателей.

Лексика ленинских выступлений весьма специфична. Ленин не увлекался латинизмами, что было тогда модой, а употребляя иностранные слова, даже переводил их на русский язык. Зато он не брезговал обиходно-бытовыми и даже «крепкими» выражениями, близкими к ненормативной лексике. Это, пожалуй, самый частый из применявшихся им способов «разнообразить» слово, лишить его монотонности и бесцветности. Нормативный, «правильный» русский язык он, конечно, знал, был чуток к чужому слову (это отмечали многие исследователи) и при случае мог поправить оглушенного терминологической какофонией Н. И. Бухарина.³¹⁷ Но его прозаизмы, однако, не случайны. Обиходные выражения, просторечия — элементы упрощения стиля — являлись своеобразной лингвистической параллелью к предпринятому в его речах тотальному упрощению идей или оценок событий. Только такой язык и оказывался для этого наиболее адекватным.

³¹⁷ См. его замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» (Ленинский сборник. Т. XL. М. 1985. С. 414, 429).

Отметим, наконец, и еще один его прием. Это сугубая категоричность, безапелляционность высказывания. У него почти никогда не найдем академической традиции равнения «pro» и «contra», нет простой констатации какого-либо события, нейтрального изложения его эпизодов. Он не столько излагает, сколько нападает, высмеивает, проклинает, обличает. Очень ярко эту особенность ленинского стиля подчеркнул Б. Казанский: «Его речь не развертывает панораму для пассивного созерцания... Она борется со слушателем, вынуждая его к активному решению, и для этого припирает к стенке. “Ни с места. Руки вверх. Сдавайся” — вот характер ленинской речи, она не допускает выбора».³¹⁸

«Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства», произнесенная Лениным на 1-м Всероссийском съезде по внешкольному образованию 19 мая 1919 г.,³¹⁹ можно счесть квинтэссенцией его ораторских приемов, присущей ему логики и риторики. Наиболее интересны III и IV части речи, где Ленин откровенно выразил свое отношение к лозунгам демократии и равенства. Первое, на что здесь сразу обращаешь внимание, — это бесконечное повторение одних и тех же мыслей. Они, словно гвозди, прочно вдалбливаются в сознание слушателей. Как правило, повторяются предложения краткие, близкие к лозунгам. Предшествующие им рассуждения могут несколько отличаться по содержанию, но их концовки, выводы совпадают почти текстуально. Один из наиболее часто произносимых лозунгов: «Свобода, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, есть обман». Поначалу Ленин его высказывает, не мотивируя особо, а ограничиваясь ссылками на программу РКП(б) и сочинения К. Маркса,³²⁰ — этого оказывается достаточно, чтобы придать фразе солидность. Затем этот лозунг повторяется еще раз в несколько модифицированном виде. Обоснование лозунга также отсутствует — только навешиваются ярлыки на тех, кто отстаивает чистую демократию. Они называются пособниками эксплуататоров.³²¹ Почему? А потому что «свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман»³²², — и затем вновь, для подтверждения правоты этого постулата следует ссылка на про-

³¹⁸ Казанский Б. Речь Ленина. С. 124.

³¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38.

³²⁰ Там же. С. 346.

³²¹ Там же. С. 347.

³²² Там же.

грамму партии. В этой формуле заменено только одно слово, что, конечно, облегчает ее заучивание. Произнеся еще несколько фраз о необходимости борьбы с капиталом, который против большевиков «выдвинет знамя свободы», он заявляет: «И мы ему отвечаем. Мы считаем необходимым этот ответ дать в своей программе: всякая свобода есть обман, если она противоречит интересам освобождения труда от гнета капитала».³²³

Действительно, трудно не увидеть во всем этом отмеченную Б. Казанским «стойкость словесного сознания» Ленина.³²⁴ Не так и существенно, где помещена ссылка на партийную программу (перед лозунгом или после него) и что допущена перестановка слов. Важнее, что он не только дословно повторяет самый лозунг, но и выдвигает его в одном и том же оформлении, повторяя сопутствующие ему вводные слова. Прочность словесного рисунка Ленина наглядно видна при последующих повторениях этого лозунга. Теперь ему предназначена несколько иная роль. Он используется для опровержения «буржуазной лжи». Происходит это в диалогической форме: «Эти цивилизованные французы, англичане, американцы, они называют свободой хотя бы свободу собраний... А вы, большевики, вы свободу собраний нарушили. Да, — отвечаем мы, — ваша свобода... есть обман, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала».³²⁵ Нет теперь устойчивой связки лозунга с партийной программой, но зато появляется связка с обвинением коммунистов в нарушении свобод. Через несколько абзацев читаем: «Вы нас обвиняете в нарушении свободы. Мы же признаем, что всякая свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман».³²⁶ Здесь наконец мы находим некое подобие мотивации данного лозунга — в других случаях она казалась неуместной. Особенностью этой мотивации является предельное, почти анекдотическое упрощение проблем демократии, которые сведены к вопросу о том, предоставят ли гражданам помещения для собраний: «Чтобы собираться в цивилизованной стране, которая все-таки зимы не уничтожила, погоды не переделала, нужно иметь помещение для собраний, а лучшие здания — в частной собственности».³²⁷

³²³ Там же.

³²⁴ *Казанский Б.* Речь Ленина. С. 117.

³²⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 348.

³²⁶ Там же. С. 349.

³²⁷ Там же.

О том, что для осуществления свободы собраний не всегда нужны лучшие здания и этим правом не обязательно пользоваться только в помещениях и только зимой, он не говорит, и, заметим, достаточно несколько простых саркастических вопросов, чтобы разрушить до основания эту логическую конструкцию. Прочие доводы, прозвучавшие в речи чуть позднее, не менее примитивны: свобода собраний «есть обман, потому что связывает руки трудящихся масс на все время перехода к социализму»,³²⁸ и она также является обманом тогда, когда «трудящиеся задавлены рабством капитала и работой на капитал».³²⁹ Эту примитивность не могут замаскировать даже риторические штампы. Нужно особенное усилие, чтобы обнаружить последовательность логического развития мотивационной цепочки у Ленина. Вместо ответа на вопрос, почему свобода является обманом, следует указание на то, кому и при каких условиях выгоден этот обман. Речь Ленина столь хаотична и непосредственна, что трудно говорить об обдуманности умолчаний или тактических ухищрениях. Перед нами своеобразная стенограмма свободного потока политизированного сознания, в котором, правда, можно выявить определенные осевые конструкции и ключевые слова-клише. Последние он произносит как заклинания, зачастую не объясняя их содержания. Они — некий контрапункт для последующих рассуждений, которые, однако, в дальнейшем оказываются мало чем связанными с исходной точкой разговора.

Внимательно приглядевшись к тексту речи, замечаешь, что последовательность ее частей нередко определена ассоциативными связями, что делает системы аргументации громоздкими и неоправданно усложненными. Они только мешают ясности изложения, но, раз коснувшись какого-либо вопроса, Ленин словно автоматически воспроизводит все ответвляющиеся цепочки доводов, не сдерживаясь, эмоционально, не желая дисциплинировать себя оглядкой на утилитарные цели выступления — и до конца, пока не выговорится. Приведем примеры. Говоря о равенстве рабочих и крестьян, он сообщает, что это невозможно ввиду трудного положения в стране. Здесь, казалось, уместнее всего было бы дать его краткую (или развернутую) оценку. Ленин поступает по-другому. Он полемизирует с оцен-

³²⁸ Там же. С. 350.

³²⁹ Там же. С. 351.

ками ситуации в России, данными оппозицией, ухватывается за ее утверждение о том, что является подлинным или грубым коммунизмом, отмечает, что и Каутский что-то писал об этом, от Каутского естественно переходит к положению в Германии. Здесь срабатывает какой-то автоматический стереотип — и он шлет проклятья «палачам» германских рабочих Шейдеману и Носке, и наконец переходит к России: «Как же вы можете развить производство в стране, которая разграблена и разорена империалистами».³³⁰ Так кончается цепочка рассуждений, начатая спором о равенстве рабочих и крестьян. Укажем и на другой пример. Так, он говорит, что «крестьянин привык к свободной торговле хлебом».³³¹ Ход дальнейших рассуждений таков: отмечается сила привычки, которой и держится капитализм, говорится о том, что крестьянин не привык отдавать хлеб по твердой цене, причем из-за того, что плохо работает государственный аппарат, а происходит это потому, что интеллигенция занимается саботажем, а аппарат надо чистить, и среди коммунистов есть жулики, и аппарат Комиссариата по продовольствию тоже плох, поскольку рабочие, как отмечают статистики, половину продуктов берут у спекулянтов и вообще голодают, и, таким образом, «надо говорить не о „равенстве“ вообще и не о „равенстве людей труда“, а о безусловной обязанности 60-ти крестьян подчиниться решению 10 рабочих»³³². Вся цепочка мало связанных между собой постулатов воспроизводится здесь почти без переходов, но их сцепление вызвано тем, что они касаются одной области — продовольствия. Рассуждения о том, что положение в стране плохое и что сложно представить равенство рабочего с крестьянином, которые можно было проиллюстрировать простыми примерами, отягощены, раздроблены, замутнены всевозможными отступлениями, хотя и выражены далеко не витиеватым, а директивным, сухим и жестким языком.

В этой речи заметны и другие характерные для Ленина приемы. Высмеивание чужих лозунгов происходит не только посредством их анализа, но и безапелляционного указания на тех, кто их повторяет («обыватели»)³³³ или поддерживает («грабительское правительство»)³³⁴. Иронический подтекст обнару-

³³⁰ Там же. С. 357.

³³¹ Там же. С. 361.

³³² Там же. С. 362.

³³³ Там же. С. 345.

³³⁴ Там же. С. 348.

живается и в том, что он называет такие лозунги «прекрасно звучащими».³³⁵ Неоднократно, как рефрен, повторяются его категорические утверждения о том, что любой, кто поддерживает лозунги свободы и равенства, — пособник Колчака, Милюкова, белогвардейцев, имущих классов. Если он где-то и смягчает их, то не для того, чтобы оправдать защитников свободы и равенства, а затем, чтобы сильнее подчеркнуть их шатания и недальновидность. Не брезгает Ленин простонародным языком и даже вульгаризмами («маленькая нехваточка вышла»)³³⁶. Чтобы подчеркнуть правоту своих идей, он создает иллюзию их всеобщей поддержки, употребляя обычно местоимение «мы» и делая оговорки: «это ясно», «это совершенная правда». И, что совсем анекдотично, истинность своих размышлений он подтверждает ссылками на программу РКП(б). Здесь очень отчетливо проявляется полярность его мышления. Середины тут нет: идти или за рабочими, или за буржуазией; кто не помогает трудящимся, тот помогает эксплуататорам; или диктатура пролетариата, или рабство капитала.

Твердость, решительность, непреклонность, уверенность в собственной правоте, нежелание сколько-нибудь объективно оценить чужие взгляды, привычка в любых либеральных лозунгах видеть только обман, придирчивое внимание к тому, каким языком пытаются замаскировать этот обман, — вот стиль Ленина. Как ни парадоксально, но его ораторские приемы оказывались преимуществом в ремесле агитатора. Он обращается не к искушенным политикам (их он и не пытался разубедить), а к тем, кому легче было понять именно простые, поверхностные догмы, кому трудно было следить за изысканностью слога и цветистостью метафор. Эта простота не всегда Ленину давалась ввиду привычки откликаться на все мелочи, относящиеся к темам его выступлений, и увлекаться их подробным разъяснением. Но нельзя не заметить присущего ему многогранного дара упрощения даже там, где сооружается громоздкая система аргументов, — это основная, все подчиняющая себе доминанта его речи и письма.

³³⁵ Там же. С. 346.

³³⁶ Там же. С. 358.